

Зачем синице Ницца?

ПОЭЗИЯ

*Людмила
Уланова*

* * *

Исчезают человек и птица,
Жизнь всё пуще – или всё пустей?
Птица, может, летом возвратится –
Всё, конец хороших новостей.

Птица новым летом – то ли та ли,
То ли нет ли – кто их разберёт.
Люди, отлетев, не прилетали.
Лишь отлёт. Отлёт. Опять отлёт.

* * *

Мир накренится, словно миска,
И выплеснет людишек, но
Кто гибко-клеек, как ириска,
Удержится, вдавившись в дно.

Из этой массы гибко-липкой
Возникнет новый род людской
Взамен породы прежней хлипкой,
Неприспособленной такой.

И эта масса будет вязкой,
Переверни – не потечёт.
Взбодрится мир, довольный встряской,
И заново начнёт отсчёт.

* * *

Луг так густо пахнет пижмой –
Будь я моль, мне б стало плохо.
Здесь мой Лондон, здесь Париж мой,
Здесь мой век, моя эпоха.

Под травой рельеф запрятан –
Может, кто мне яму роет?
Мир свихнулся: говорят, он
Обезлюдет планы строит.

Я гоняю паранойю,
Раз за разом убеждая:
«Не ходи гулять со мною,
Дома жди. Вернись туда я».

Но с усердием тупицы
Прёт за мной: мол, мы подруги!
А её боятся птицы,
Разлетаются в испуге.

* * *

С моста, что шумно дышит и гремит,
Привычно провалиться в птичий щебет.
В груди щемило – и уже не щемит.
Ах, не щемит? Ну да. И не щемит.

Лимон крылатый, здравствуй, дивный плод,
Смешно и нагло выросший на иве.
А впрочем, я и птицефрукту киви
Не удивлюсь средь тутошних болот.

Здесь чёрный коршун жеребёнком ржёт,
Щеглы звенят так невозможно нежно,
Что вроде я опять в плену надежд на...
На что? Не помню. Но в груди не жжёт.

Тут жизнь вопит из каждого куста,
Складная выпь размер меняет вдвое,
Да хоть в сто раз – поверю в волшебство я.
Но мне пора. К мосту. На мост. С моста.

* * *

Преждевременная луна
Половинчата и печальна.
И сливает печаль она
К ночи в чрево речного чана.

А сама, как наляжет тьма
Животом на лужайки тяжко,
Ободрится и на дома
Побредёт поглазеть, бродяжка.

В беззащитный проём окна
Будет лить маету с тревогой.
Не ходи ты ко мне, луна.
Ты не трогай меня, не трогай.

* * *

Ещё не улетели трясогузки
И кормятся в репейнике щеглы,
Но полосы межзимние так узки,
А зимы злы.

На отмели ещё пасётся стадо
Из куликов всех видов и цветов,
А в сущности, лишь шаг до снегопада
И холодов.

И цапли, неуклюже-грациозны,
Пока ещё стоят средь наших вод,
Дни не темны и ночи не морозны.
Но ведь вот-вот.

Январский сон

Спит январская синица,
От мороза чуть жива,
И синице лето снится,
Листья, ягоды, трава.

Снятся ей Палермо, Ницца,
Океаны, острова,
Стюардесса, проводница
Порт, багаж, ручная кладь,
Горы, лес, речная гладь
И верблюдов вереница.

Пальмы, парк, морская пена...
И доходит постепенно
До меня, что не синица
Спит в объятьях января.
Ведь зачем синице Ницца,
И верблюды, и моря?

Это я в январской стуже
Сплю, устроившись клубком.
Стужа ползает снаружи
И внутри лежит комком.

Сплю, и снится мне синица –
Та, которой лето снится!

* * *

снова липы цветут за год
позабыла я их запах
всё забыла восток запад

всё забыла слова числа
пусто в мыслях моих чисто
убежать голова тщится

отвалить норовит в дали
духота на неё давит
хоть бы воздуха ей дали

Небесная корова

Корова летела над тундрой, тайгой,
Лесами, степями, пустыней.
Куда же ты смылся, бычок дорогой,
Отправившись вслед за гусыней?

Корова летела сперва тяжело,
А после всё круче и круче!
Эх, ей бы ещё хоть одно бы крыло –
Она б поднялась выше тучи!

Был мощный рогатый её силуэт
Прекрасен на фоне лазурном.
И лебедь принёс ей ромашек букет
В безумном припадке амурном.

Корова кивнула: «Еда мне нужна!
Охалка ромашек? Как мило!»
Не всё, между прочим, сжевала она.
Часть – лебедю нежно скормила.

И дальше они полетели вдвоём,
Корова мычала протяжно.
Она позабыла об этом своём
Бу... бы... как его? А, неважно!

А лебедь ей пел – и внимала она –
Про верность свою крепче стали...
Легонько чесалась коровья спина –
Два белых крыла отрастали.

Хомяк – путешественник

Хомяк-путешественник – это смешно.
Сидел бы, жевал свои зёрна.
Смеются над ним, а ему всё равно –
Шагает куда-то упорно.

С таким куражом да с таким багажом
Он скептикам этим покажет!
Разрежет пространство, как булку ножом,
И время, как масло, намажет.

Ты скажешь, что чужд хомяку бутерброд,
Сравнение, мол, мимо кассы.
Тем временем он с рюкзаком добредёт
До свежепроложенной трассы.

Устроившись в кузове грузовика,
Дорог одолеет без счёта...
Не зря же поверила я в хомяка!
В кого бы поверить ещё-то?

* * *

Мы больше с тобой не увидимся, думаю.
Я что-то совсем разлюбила звезду мою,

Мою путеводную, высоколубую,
За нею я следовать даже не пробую.

Не слушаю нынче небесные басни и
По кругу шагаю – оно безопаснее,

Спокойнее, глубже, мудрее, детальнее.
Защиты в круги расстояния дальние,

Не очень заметно сквозь них проступая, но
Я знаю, далёкое в близкое впаяно.

